

нахов,— почему бы не прибавить «Элексир дьявола» Гофмана или начисто-мистический, но зато о преступном монахе, роман Льюиса «Амброзио или монах»? Почему не «Владетельницу Влоссхольма» Хаггарда, где католический аббат оказывается шпионом, изменником и стяжателем?

В объявленном в проспекте «Безбожника» списке есть вещи и разумные, например, «Избранные произведения» Золя (нужно надеяться, что трилогия о городах, а не аббат Мурэ). Но ни эти три романа, ни—книга вполне пригодная—сокращение «Вечного жида» Сю, ни сборники антирелигиозных стихов и рассказов (набрать из разных авторов книгу подобных рассказов легче, нежели найти один роман) не разрешают положения. Иноязычная, особенно старая, беллетристика не может быть действительно одновременно и художественно и антирелигиозно. Нашим издательствам следовало бы рассматривать ее только как документацию.

Значительно больше пользы, чем осуществляемая «Безбожником» библиотека, принесло бы появление серии сборников документов, и отрывков из мемуаров, и художественных произведений, сборников, иллюстрирующих историю религии и церкви. Понятно, такие сборники должны снабжаться настоящими деловыми статьями и быть исчерпывающе прокомментированы. Подобная серия, охватывающая вопрос исторически, на всем протяжении деятельности церкви, будет иметь не одну только антирелигиозную, но и общекультурную ценность. Предложенный же издательством «Безбожник» подбор книг, не говоря уже о чрезмерном редакторском «попустительстве», вполне случаен и отрывочен исторически: ни из деятельности «Безбожник», ни из наскока «Атеиста» наш читатель не вынесет впечатления об эволюции, изменениях, приспособлениях, создающих и держащих грандиозную многовековую машину, именуемую божией церковью.

Г. Честертон—«ДИККЕНС». Пер. А. П. Зельдович. «Прибой». Л. 1929 г. 276 стр. 1 р. 50 к. + 25 к. Тираж 5 000 экз.

Априори можно утверждать, что иностранные буржуазные монографии о писателях нам пригодны могут быть лишь за очень малыми исключениями: либо в тех случаях, когда книга исчерпывающе полна (как, например, работа Массона о Мильтоне Доттэна о Де-Фо) является классической, непревзойденной и лишь с трудом превосходимой, либо же когда биограф вводит свою тему в социальный круг (как, например, Чад-

вик о Де-Фо, Карлейль о Кромвелле). Работ первой категории еще можно набрать довольно много; работ второй категории количество считанное. Возможен, наконец, третий случай, когда автор настолько значителен, что книга его интересна не как исследование о ком-нибудь, но как авторские высказывания. Если мы доживем когда-нибудь до настоящего полного собрания сочинений Диккенса, мы увидим по-русски «Детскую историю Англии», бесполезную нашим детям, никуда негодную историю, но чрезвычайно важную для понимания Диккенса книгу.

В почти необъятной диккенсиаде трудом до сих пор классическим, не превзойденным, несмотря на ряд мелочных неточностей и обилие неверных, узких концепций, является книга Джона Фостера (1872), друга Диккенса. Если предлагать советскому читателю серьезную работу о Диккенса, — нужно издавать именно эту книгу, исправивши и дополнивши ее. Издавать для ознакомления с Диккенсом рецензируемую книгу Честертон — то же, что знакомить иностранцев с Пушкиным при помощи статей Гершензона или Розанова. Дарование Честертон-беллетриста тут не при чем. Во-первых, он не на столько уж значительная фигура, во-вторых, если уж выбирать его теоретические высказывания, то «Набаты и споры» (1910 г.) или «Контур здравого смысла» (1927 г.) значительно и характернее, и интереснее и острее.

Честертон, как известно, стоит в оппозиции существующим в Англии порядкам. Оппозиция эта справа, а не слева. Честертон — представитель католического социализма, мечтающего о возрождении мелкого землевладения, и, как всякая феодальная реакция в буржуазных условиях, прикрывающегося оптимистическим демократизмом. Из политической концепции вытекает стремление непременно создавать героев, если не героев-завоевателей, то хотя героев литературы, писателей, утверждающих приоритет человеческого духа над окружающим миром, утверждающих всемогущество человеческого духа.

Таково понимание Диккенса. Диккенс — по Честертону — вполне самобытный фантаст, силой воображения создающий персонажи, настолько реальные, настолько живые, что благодаря самому своему полнокровию они становятся неправдоподобными, вымышленными. Диккенс — писатель возникший сразу, целостно, и притом отнюдь не реалист. Утверждение самобытности Диккенса Честертон доводит до того, что даже историю написания «Записок

Пикквикского клуба», серии юмористических книжек, иллюстрирующих рисунки, передает в некотором искажении, настаивает на том, что идея и концепция романа принадлежат Диккенсу. Правда, тут же Честертон вынужден признать, что «Записки» вообще лишены какой бы то ни было руководящей идеи или концепции.

Понимание Диккенса как фантаста ведет к категорическому отказу от биографизма. Мы отнюдь не настаиваем на важности внешней биографии, но Честертон, отказываясь от биографии, отказывается и от хронологии. Диккенс взят в книге на единой плоскости. Некоторые пассажи пытаются наметить какие-то этапы творчества, но наметка эта через книгу никак не проведена. Читатель не получает никакого представления об эволюции диккенсова мастерства, не получает вообще впечатления о Диккенсе. Хорошо знающему Диккенса читателю книга еще может в какой-нибудь степени быть любопытна; в не знающем Диккенса она вряд ли возбудит желание знакомиться с автором. А это обозначает, что при наличии на рынке книги о Диккенсе (да еще 5 000 экз. эстетской болтовни) возможность выхода настоящей книги о нем на значительное время закрыта. Диккенс надолго останется советскому читателю неизвестным или, что значительно хуже, известным неверно, благо издательство ограничилось тем, что предпослало книге анонимное, повторяющее Честертону предисловие и не позаботилось о приличных примечаниях.

Слова Честертон о том, что Диккенс — фантаст, в какой-то степени верны, но неверна вся даваемая им оценка писателя. Диккенс начал свою литературную карьеру с бытовых очерков, к которым Честертон относится вполне презрительно, в то время как «Очерки» Боза (псевдоним, под которым Диккенс выпустил не мало романов) дают ключ ко всему творчеству романиста. Его книги сугубо познавательны; его романы — развернутые бытовые и социальные зарисовки. Сложная, часто детективная фабула их — только прием, имеющий целью завлечь читателя, убедить его купить и следующий выпуск: даже такие крупные романы, как «Николай Никльби» или «Наш общий друг» выходили двух-трехлистными брошюрками с месячными промежутками. Центр интереса для Диккенса лежал в социальных или социо-психологических проблемах. Литература была только средством оглашения проблем. Этого Честертон не понял или, вернее, не хотел понять. Он не хотел увидеть специфически журна-

листских приемов введения материала, газетной сентиментальности, всегда точно адресованного пафоса, халтуры (например, святочный рассказ «Дом с привидениями», где из восьми глав Диккенсом написаны только две — в 1859 г. т. е. после и «Давида Копперфильда» и «Крошки Доррит»). Честертон не хотел увидеть в Диккенсе политика, говорящего сквозь литературу, предпочел сделать из Диккенса фантаста, создающего в романах особый мир, «идеже несть печали, ни воздыхания». Вместо легенды о безобидности Диккенса, о его консерватизме, о его лояльности, легенды уже разрушающейся, Честертон строит новую легенду: об отвлеченности, аполитичности Диккенса. Англии нужен новый Меринг, который разрушил бы как легенду о Диккенсе, так и легенду о королеве Виктории, под чьим скипертом процветали науки и искусства! Советскому же читателю поставлять буржуазную иконопись незачем.

Кстати, своевременность издания книги в наши дни: «По моему, человек, пьющий в меру, остается человеком умеренным. Тот же, кто пьет свыше меры, становится демоном. Однако, все, что, подобно вину, связано с человеческой и эстетической стороной нашей природы, ни в коем случае не может уподобить человека животному» (стр. 204). Хоть сейчас лозунг для антиалкогольной кампании!

Еще несколько образцов примечаний: Звездная палата — «высшее судебное учреждение в Англии при Генрихе VIII» (стр. 67). Принято считать, что судебно-политическая инстанция учреждена лет за двести до Генриха VIII и уничтожена лет через сто после него. *Laissez faire* — «непротивление» (126). Как известно, принцип свободой торговли. Лучше всего понятно, когда, переводя рассуждения Честертон о «Холодном доме», переводчик смешивает графа Лейстера с персонажем романа и поясняет, что сэр Лестер Додлок — «могущественный фаворит английской королевы Елизаветы» (191).

«ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ». Перевод Ф. Г. де-ла Барта. Редакция, вступительная статья и комментарии Б. И. Ярхо. Предисловие П. С. Когана. Гиз. М 1929 г. 200 стр. 90 коп. Тираж 5 000 экз

«Песнь о Роланде» является, наверное, самым замечательным произведением феодальной культуры. На этом великолепном памятнике XII в. легко раскрывается психологическая основа феодализма: индивидуальное проявление свойств, приобретаемых самым рожде-